В первый раз, когда я был в больнице, мне пришлось ехать в больницу.

Они вдвоем встали на колени и поклонились, встали и пошли помогать Фуджин, шепча горький совет: "Горе Фуджин, ты не можешь быть таким, ты такой, старший брат не узнает, как ему будет грустно, когда узнает....".

Фуджин плакал: "Мой Хонхуи самый разумный и всегда был самым ласковым ко мне, эта лобная мать!"

"Да, да!" Бабушка Ву, сердце бабушки Цзи было еще более расстроено, как иголки: "Большой Брат - самый разбитый сердце, не грустите, или Большой Брат не был бы еще более разбитым сердцем"!

Двое уговорили их, было трудно убедить Фу Цзинь, которая плакала так сильно, что она едва могла стоять, чтобы приехать.

Фу Цзинь нежно вытерла слезы, взяла благовония со стола, а сестра Цзи была занята подсветкой.

Первое, что тебе нужно сделать, это посмотреть на имя сына в слезах, а потом ты хочешь взять ладан, но потом ты вдруг заглядываешь на тарелку с дарами, на которой изображен уголок ярко-красной ткани, и ты в бешенстве.

Следуя ее взгляду, бабушка Ву и бабушка Цзи также увидели его, оба были поражены и слегка изменили цвет.

Как такой предмет красного цвета мог появиться в том месте, где был закреплен алтарь? Не говоря уже о шелковом носовом платке или что-то в этом роде, это возмутительно!

Сестра Чжи была быстроглазая и занята вытаскиванием большой красной ткани.

Беглый взгляд, и я не мог не заметить смену цвета.

Сестра Чжи запаниковала и попыталась унести его в грудь.

"Отдай его мне!" Фу Чжин схватила ее за руку, его взгляд суров.

Бабушка Цзи дрожала, заставляя ее держать себя в руках: "Фу Цзинь, не сомневайся, старый раб с этим справится как следует!".

"Отдай его мне!"

Фу Чжин резко закричала.

Сестра Цзи была шокирована и ошеломлена, ее руки были пусты, она побледнела и инстинктивно хотела схватиться, но где она могла?

Это был не кусок ткани или шелковый платок, а пупок.

Красный карман живота, который выглядел довольно старым, был вышит пятью благословениями на золотой нити, и это был тот же самый карман живота, который носил брат Хун Хуэй, когда он родился, который был сделан самим Фу Цзинь, одна игла и одна нить, это был точно такой же узор.

Однако, этот пупок был сожжен самим Фу Цзинь, когда брат Хун Хуэй уехал, так почему же он здесь?

"Хонхуи"! Хирофай! Это ты? Ты вернулся, чтобы увидеть свой лоб? Юнианг так скучает по тебе, Юнианг так по тебе скучает!"

Фу Цзинь вскрикнула, перевернув дани и фонарики на столе, выкрикивая имя своего сына.

Бабушка У и бабушка Цзи были в ужасе и тревоге, и обняли Фу Цзинь, потянув и потянув, чтобы успокоить его.

Однако, как они могли контролировать его, когда он был так раздражен пупок кармана? Ее вырвало, как сумасшедшую, чтобы обнять скрижаль Хон Хуэй. Постоянно кричал "Хон Хуэй"! Хонхуи!"

Где еще бабушка У и бабушка Чжи осмелились бы позволить ей остаться здесь и разозлиться? Они вдвоем изо всех сил старались вынести ее на улицу.

Только с большим трудом они вытащили сумасшедшего и неконтролируемого Фуджина из маленького буддийского зала.

Сестра Чжи запаниковала и закрыла дверь.

"Нет! Нет!" Фу Цзинь плакала и протягивала руки и боролась, глядя на маленькую дверь буддийского храма, которая была закрыта, блокируя ее взгляд, отчаяние в ее глазах.

"Фуджин, давай вернёмся первым, давай вернёмся первым!" У бабушки Ву и бабушки Цзи были красные глаза, а их сердца были еще более неудобными, как булавки и иголки, насильно вытаскивая Фу Цзинь на улицу.

Это слишком странно.

Я не уверен, что это так, но я не уверен, что это правильно.

http://tl.rulate.ru/book/41785/1109072